

ШИШЛИ-МЫШЛИ

Юлия
Монакова

Юлия Монакова

Шишли-мышли

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Монакова Ю.

Шишли-мышли / Ю. Монакова — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-1-38-749077-6

Любовь — многогранное, красочное и непредсказуемое чувство, подобное волшебному калейдоскопу: никогда не угадаешь, в какой удивительный узор сложатся стёклышки, как причудливо совпадут, какой стороной повернутся. И хотя герои этого сборника — обычные люди, похожие на нас с вами, их судьбы при вращении любовного калейдоскопа начинают мерцать, переливаться и пестреть самыми неожиданными цветами. Каждый из них встречает свою любовь, но проявляется она в их жизни по-разному — счастьем, ненавистью, преданностью, безумием, предательством и множеством других оттенков человеческих страстей и отношений.

ISBN 978-1-38-749077-6

© Монакова Ю.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

НЕРАВНЫЙ БРАК, или ШИШЛИ-МЫШЛИ	5
ФОТОАЛЬБОМ	11
АНГЕЛ ДЛЯ БЕДНОЙ ЛИЗЫ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Юлия Монакова Шишли-мышли

НЕРАВНЫЙ БРАК, или ШИШЛИ-МЫШЛИ

– ...Ты замужем? – спросила эта самая тётка. Даша вздохнула (не потому, что вопрос являлся для неё болезненным, просто ей было невыразимо скучно) и ответила, что нет.

– А парень есть? – доверительно подмигивала Даше навязчивая особа, всем своим видом демонстрируя, что уж кому-кому, а ей-то, такой душевной тётушке, можно и открыться. Пришлось признаться, что и парня у неё не имеется.

– Вот и у меня тоже личная судьба не сложилась... – навалившись грудью на стол и придвигая к себе салатницу, поделилась тётка. Положив на тарелку изрядную порцию селёдки под шубой, она принялась жевать, одновременно рассказывая Даше историю своей жизни. Она ежесекундно заглядывала Даше в глаза и периодически дёргала за рукав, призывая к вниманию, так что даже нельзя было отвернуться и пропустить весь этот бред мимо ушей.

– ...А в молодости мы с подружками гадали на суженого-ряженого. Вот раз в Крещенский вечер пришли в хлев к овцам... А они от нас в разные стороны разбега-а-ауются! Там темно, и надо овцу ухватить за шерсть, клочок выдернуть...

– Зачем? – с искренним недоумением спросила Даша, никогда не гадавшая на суженого и не видевшая за всю свою двадцатитрёхлетнюю жизнь вблизи ни одной овцы. Тётка, в свою очередь, с искренним недоумением выкатила на неё глаза.

– Как это – «зачем»? Какого цвета клоч вырвешь – такой и муж у тебя будет. Ну, там – брюнет, блондин, рыжий... и вот представляешь – чё?

– Что? – вежливо поинтересовалась Даша, хотя ей это было глубоко безразлично.

– Ведь точно так и вышло! Знаешь, за чё я ухватилась? За овечьи сопли! – заключила тётка торжествующим тоном и утёрла майонезные губы пятернёй. – Считалочка такая в детстве была, «шишли-мышли, сопли вышли»... Не слыхала? Вот и фиг мне с маслом, а не жених.

Даша на всякий случай сделала сочувствующее лицо, но собеседница гордо отвергла соболезнования:

– А щас думаю – и слава богу... Всю жизнь одна прожила, зато сама себе хозяйка.

– Конечно, – поддержала Даша старую деву с иронией и процитировала знаменитую строчку из фильма «Девчата»:

– Одной ведь лучше, верно? Хочу – халву ем, хочу – пряники...

– Точно! – тётка не поняла юмора и подняла указательный палец вверх, явно намереваясь развить тему преимуществ одинокого образа жизни. Даша вдруг поняла, что смертельно устала и сил её больше нет слушать всю эту дребедень.

– Извините, мне нужно отлучиться... – пробормотала она, решительно вставая из-за стола, проклиная в сердцах и саму эту дурацкую свадьбу в целом, и её организацию в частности.

– Туалет прямо по коридору и налево! – услужливо-громогласно подсказала тётка. Как назло, именно в это мгновение стихла музыка, и толпа гостей, до того самозабвенно отплясывающая под Сердючку, как раз дружной вереницей потянулась к столам, чтобы подкрепиться. Так что слова тётушки прозвучали в полной тишине зала, и все приглашённые с интересом уставились на Дашу, заставив её смущенно покраснеть и выругаться про себя.

Однозначно, эта свадьба была идиотской затеей с самого начала. Даше вообще не стоило приходить сюда. Даже ради Олега, который восседал сейчас на месте жениха во главе стола и, судя по всему, сам маялся от неловкости за свою так явно беременную невесту в её жутком

платье (с кринолином, рюшами, длиннющей фатой – в общем, полный комплект, в котором новобрачная напоминала свадебный торт) и за её таких до ужаса провинциальных родственников. Больше всего Дашу раздражал один не сильно юный парниша с барсеткой на длинном ремешке через пузо – настоящее быдло. Она специально наблюдала за ним с самого ЗАГСа. За эти часы он не сказал никому ни слова; в ресторане даже не танцевал, а сидел весь вечер, навалившись на стол, с тупым лицом, не улыбался, не смеялся, не слушал, что говорят гости и тамада, только жрал – хорошо хоть, не пил. А ещё фотографировал девушек на свой мобильный телефон. Вот просто молча сидел и фоткал каждую девушку без исключения. Даша даже подумала, что он, должно быть, немой, но в этот самый момент как раз принесли свадебный торт (тот самый, на который была похожа невеста) и, когда официанты раздавали всем по кусочку, парниша потянулся своей клешней к блюду и громко, хоть и без эмоций, сказал:

– Давай сюда, – причем «сюда» он произнес как «суда», и снова прочно замолчал, ни «спасибо», ни «пожалуйста». От этого «суда» Дашу прямо-таки передёрнуло.

«Что я здесь вообще делаю, ради чего страдаю? – разозлилась она. – Олегу, собственно, на меня плевать, и если я сейчас незаметно улизну, никто этого даже не заметит...»

Она выскочила в фойе, полная решимости убраться восвояси немедленно. Торопливо достала номерок, получила в гардеробе пальто. Мельком взглянула в зеркало, провела ладошкой по разлохматившейся рыжей шевелюре – расчёсываться или уж не стоит?..

Но уже у дверей её настиг знакомый голос:

– Дашка, ты куда это собралась?

Она заметалась, как вор, пойманный с поличным. Не успела, не успела!..

Жених собственной персоной – точнее, уже не жених, а вполне себе муж, будущий отец семейства – спустился к ней по лестнице и глядел укоризненно.

– Бросить меня хотела? – спросил он. – Не жалко?

– Я, это... подышать свежим воздухом, – струсив, соврала Даша. Олег посмеивался и недоверчиво качал головой. Он был слегка пьян, но как всегда неотразим. Даша отвела взгляд, чтобы не поддаться его беспощадному обаянию в очередной раз, потому что... потому что, чёрт возьми, это была его свадьба!

– Подышать, говоришь, хотела... – задумчиво повторил Олег. – Ну, пойдём вместе... подышим.

Поняв, что незаметно сбежать ей всё равно уже не удастся, Даша скорбно вздохнула и вышла в услужливо приотворённую перед нею дверь.

– Ну, и как тебе – всё это?.. – невесело усмехнувшись, поинтересовался Олег, привалившись спиной к стволу дерева и закуривая сигарету. – Весь этот балаган...

– Что ты спрашиваешь, – отозвалась Даша, решив быть с ним откровенной. – Ты же и сам всё прекрасно видишь. Не пойму только одного – зачем весь этот, как ты изволил выразиться, балаган, нужен тебе самому. Зачем вообще нужна эта глупая свадьба. Зачем нужно было приглашать меня, я здесь, по-моему, единственная гостья со стороны жениха, не считая свидетеля...

– Так сложились обстоятельства, – осторожно подбирая слова, сказал он.

– Да брось! – разозлилась Даша. – Какие обстоятельства! Ты вовсе не обязан был на ней жениться! Ну подумаешь, ну залетела девочка... с кем не бывает. Но вовсе не следовало непременно играть свадьбу! Это же самый настоящий мезальянс, Олежка, неужели ты не понимаешь?! Как порядочный человек, ты мог бы просто обеспечить своего ребёнка, но не связывать себя по рукам и ногам этим браком...

– Нет, – жёстко перебил Олег; глаза его стали колючими и злыми. – Именно как порядочный человек, я должен был это сделать. Я не хочу, чтобы ребёнок повторил мою судьбу. Не хочу, чтобы с самого рождения он знал, что бывают брошенки-матери и подлецы-отцы. Я хочу, чтобы у него была полноценная семья.

– Полноценная... – горько выдохнула Даша. – Ты уверен, что сможешь быть... этой особе хорошим мужем?

Олег прямо взглянул ей в глаза:

– Я постараюсь, Даш. Видит бог, я постараюсь. Лена – она ведь неплохая, в сущности. Ты просто её не знаешь...

Даша недоверчиво покачала головой.

– Неплохая... Дело не в этом. Просто она и все её близкие – люди не твоего круга.

– Не повторяй чужих пошлостей, – Олег скривился. – Твой круг, мой круг... Социальные сети, дикость какая-то. Ты не моего круга, и вообще рылом не вышел, дай-ка я тебя за это тресну по башке...

– Ты-то не треснешь, – с убеждением сказала Даша. – А вот кто-нибудь из родственников твоей жены – запросто. Это в их духе, – она вспомнила типа с барсеткой и его тупым «дай суда», и её снова передернуло.

– Ох уж этот твой столичный снобизм! – он покачал головой. – Не преувеличивай. Нормальные они люди. Где-то даже интеллигентные. Не все, но... Ленка, между прочим, сама в МГУ поступила.

– Ага, наверное, родня корову зарезала и презентовала заведующему кафедрой, – хмыкнула Даша.

– Ох, и злюка ты, Куприянова. Ты же ей и двух слов не сказала, что ты судишь по внешности? – Олег укоризненно покачал головой, бросая сигарету в урну и поёживаясь. – Чёрт, холодно... Пойдём внутрь, Даш. И, честное слово... Постарайся проще ко всему относиться. Расслабься и попробуй получить удовольствие от процесса. Всё-таки, на свадьбе моей гуляешь! – он дружески приобнял её за плечи и повел обратно в ресторан. Даша молчала, борясь с собой. Искушение прижаться плотнее к этому сильному, крепкому телу было слишком велико. Вдохнуть его запах... Уткнуться носом в шею... Зарыться пальцами в густые чёрные волосы... Нет, нельзя. Табу. Он теперь женатый. Да и раньше-то не посмела бы. Не поймёт. Она – Дашка, сорвиголова... Жилетка, в которую можно поплакаться. Друг, с которым можно выпить пивка и сходить на футбол. Даже обсудить своих подружек. Нет, не поймёт. А если признается – потеряет всё. Ей же хватит и крох – пусть хоть изредка видеть его, знать, что он есть, как бы банально это ни звучало...

– Ты иди, Олежек. Я сейчас, – она вынырнула из-под его плеча. – Мне в туалет надо.

Олег расхохотался.

– Вот за что я тебя обожаю, Даш – нет в тебе глупого бабского жеманства! В туалет – так в туалет, всегда называешь вещи своими именами, а не, к примеру, «попудрить носик».

– Ну да, я же «свой парень», – хмыкнула Даша невесело. Олег, похоже, даже сам не понял, насколько сомнителен его комплимент и как больно он может ранить...

Закончив все свои туалетные дела и попудрив-таки носик, Даша совсем было собралась возвращаться в зал, как вдруг услышала какую-то возню поблизости и странное поскуливание. Она удивилась, поскольку думала, что находится здесь совершенно одна. Впрочем, скулёж этот напоминал щенячий, а уж никак не человеческий. «Пёсик какой, что ли, забрёл в ресторан по ошибке, а его нечаянно в туалете заперли?» – посмеиваясь, подумала Даша и прислушалась внимательнее. Поскуливание повторилось – шло оно из кабинки слева. Уверившись в том, что обнаружит за дверью милую собачку, Даша решительно потянула за ручку двери, но та не поддавалась, оказавшись запертой изнутри. Однако... Щенок, закрывшийся в туалете – это было уже чересчур даже для очень богатого воображения. Может, там плачет ребёнок? Нечаянно защёлкнул задвижку и теперь не может выйти? Даша не заметила на свадьбе детей, но мало ли... Она легонько стукнула в дверь.

– Эй, кто здесь?

Поскуливание на мгновение стихло, но вскоре вновь прорвалось наружу сдавленным писком. Уже не на шутку обеспокоенная, Даша посильнее тряхнула дверь:

– Откройте, может, помощь нужна?

После полуминутной заминки задвижка клацнула. Даша рванула дверь и уставилась на фигуру, сиротливо скрючившуюся на унитазах, не сразу признав в ней Лену – невесту, то есть уже жену, Олега. Собственно, узнать её было практически невозможно, ибо тушь потекла, лицо опухло, а помада была размазана, но белое пышное платье, загромоздившее собою всю не слишком просторную кабинку, не оставляло никаких сомнений.

В первую секунду Даша подумала, что свежеиспечённая жёнушка банально напилась, но тут же вспомнила, что та вроде как в положении, уже на восьмом месяце, ей нельзя.

– Что случилось, Лена? У вас всё в порядке? – спросила она, наклонившись к перекошенной несчастной физиономии. Мелькнула было жалкая трусливая мыслишка, что Лена каким-то образом подслушала их с Олегом разговор и теперь в курсе нелестного мнения Даши о своей персоне, но... так плакать из-за этого и вообще – убиваться? Бред, бред!..

Лена несколько раз прерывисто вздохнула, борясь с подступающим к горлу спазмом, но вдруг истерично разрыдалась, пряча лицо в кружевных оборках своего праздничного платья.

– Что с вами? Ну, чего ты? – сбиваясь с «вы» на «ты» и наоборот, залепетала Даша, потрясённая этой сценой.

– У меня... кровотечение... – прошептала Лена еле слышно, обращая к Даше залитое слезами лицо.

– Из носа? – самым глупейшим образом спросила та, но в то же мгновение прикусила язык, сообразив, какое именно кровотечение имеется в виду, а Лена разрыдалась новыми рыданиями.

– И давно оно у тебя? Сильное? Боли есть? – деловито спросила Даша, сама удивляясь своему нарочито спокойному тону, хотя на самом деле сердце её забило о грудную клетку, как пойманный в капкан зверёк.

Лена, всхлипывая, приподняла подол платья – он весь был алого цвета. Напускное спокойствие слетело в момент – Даша инстинктивно охнула.

– Кровь только что пошла, минут двадцать как, а побаливало с самого утра... – призналась Лена.

– И ты никому ничего не сказала? Почему?

– Так ведь... свадьба же... приглашения, гости...

– Ну и ду-у-ура, – выдохнула Даша беззлобно. – О гостях подумала, а о ребёнке нет? Об Олеге, в конце концов?! Нужно бежать, срочно сообщить ему!

Лена так стиснула её руку, что Даша вскрикнула от боли.

– Не надо Олегу!.. Я не хочу, чтобы он знал... Я посижу немного... Может, оно само прекратится? – она устремила умоляющие глаза на Дашу, словно именно от неё зависел счастливый исход событий. – Уже не так сильно болит, честное слово...

– Дура, – ещё раз повторила Даша, – сейчас каждая секунда дорога, неужели ты не понимаешь?! Если это... – её голос невольно дрогнул, – если это преждевременные роды, то нужно успеть в больницу, пока ребёнок ещё жив.

– Роды? – Ленино лицо исказила гримаса панического ужаса. – Но ведь... Всего семь месяцев...

– Вот поэтому и надо поторопиться!

– А-а-а-а, – завывала Лена в голос, – если с ребёнком что-то случится, Олег меня убьёт... Он со мной тут же разведётся... А я так его люблю...

– Не ори, – осадил её Даша, окончательно взяв себя в руки, – никто никого не будет убивать. Всё с малышом будет в порядке. Олег тебя тоже очень любит. Не делай резких дви-

жений. Нужно, наверное, «скорую» вызвать... Чёрт, телефон разрядился... Посиди пока. Я сейчас вернусь!

Она выскочила из туалета, плохо соображая, что сейчас делать, к кому бежать за помощью. К Олегу?.. А вдруг он тоже запаникует – всё-таки, это его жена и его неродившийся ещё ребенок, бог знает, жив он – или уже нет...

В дверях ресторана она буквально налетела на типа с барсеткой – он уткнулся в свой мобильный. Вероятно, рассматривал фотоколлекцию девушек, которых ему удалось за сегодня «отщёлкать». Выбирать не приходилось, и Даша кинулась к нему.

– Вы не могли бы позвонить в «скорую помощь»?

– Что случилось? – с тревожной готовностью отозвался он (кстати, голос у него был не такой уж и противный – или просто ей некогда было об этом задумываться от страха). Даша вкратце описала ситуацию. Тип на удивление быстро среагировал.

– Тогда уж лучше сразу – в больницу. Пока «скорая» доедет, пока разберутся... Я за рулём, и я не пил. Давайте, я отнесу Елену в машину – ей, наверное, лучше не делать лишних движений...

Впоследствии Даша вспоминала всё, как нарезку из кинокадров: тип с барсеткой, бережно выносящий из дверей туалета невесту в окровавленно-белоснежном платье; побледневший Олег, склонившийся над Леной в машине; суета гостей, шум в ушах – все звуки различались как сквозь вату. Даша в какой-то оцепенелой оторопи прислонилась к стене, чувствуя, что подгибаются колени, и неожиданно вспомнила про овцу, «шишли-мышли» и сопли. Неуместная улыбка против её воли разлилась по лицу. Она ещё успела заметить недоумённо-осуждающий взгляд кого-то из невестиных родственников... и сползла по стеночке на пол.

Эпилог

– Дашка! Нас выписывают завтра! – орал в трубку ошалевший от счастья Олег. – Ты бы видела, какая у меня дочь! Вот такая вот девчонка! Красавица! Вылитая Леночка!

– Поздравляю, папаша, – засмеялась Даша. – Значит, уже набрали положенный вес?

– Ровно два с половиной килограмма! – подтвердил гордый Олег. – Врач сказал, что всё идёт просто прекрасно, мы вполне можем забрать девочку домой и встречать Новый год.

– Молодцы, очень за вас всех рада... Как Лена себя чувствует?

– Тоже хорошо, передаёт тебе большой привет... Приглашает к нам тридцать первого. Приедешь?

– Ну что ты, Олежка, это же первая новогодняя ночь, когда вы соберётесь всей семьёй... Не хочу быть лишней на вашем торжестве, – благородно отказалась Даша, хотя ещё пару месяцев назад за одну возможность встречать Новый год вместе с Олегом прошла бы пешком через весь город даже при морозе градусов в сорок.

– Лишней?! Да как ты... Да ты что!!! – у Олега даже не нашлось подходящих слов для выражения эмоций. – Да ты нам теперь... самый родной человек!!! Ты же – будущая Настина крёстная!.. Если бы не ты и не Никита... Врач сказал, ещё каких-то полчаса – и мы бы опоздали. Ленку так вовремя в больницу привезли! Всё-таки, роды на этом сроке... – голос его дрогнул. Очевидно, припомнил тот кошмар. Часы одуряющей неизвестности... Паника... Тревожное сообщение, что девочка родилась, но состояние тяжёлое... Затем – кювез, страшные пять дней ожидания – пока миновал кризис, позже – инкубатор, почти два месяца в больнице...

– Я тут ни при чём, – открестилась Даша. – Это малышка умничка. Она такая сильная, она так хотела жить! Ну, и Никита...

– Какая удача, что он был на машине, – горячо подтвердил Олег. – Водителя-то мы отпустили до ночи. Никита как раз накануне приехал из Питера, то есть, провёл всю ночь за рулём и сам едва держался на ногах от усталости... Но пропустить свадьбу двоюродной сестрёнки он никак не мог.

– Да, всё так удачно сложилось, – улыбнулась Даша. – Просто чудесно... Даже несмотря на то, что я, как дура, упала в обморок от волнения и перепугала и без того паникующих гостей. Но... хорошо, что всё хорошо кончается. Точнее, у вас – только начинается. И я очень счастлива за вашу семью, Олеч.

– Нет, правда, Даш, приезжай к нам, а? – ещё раз попросил Олег.

– Спасибо, мой дорогой, но вынуждена отказать. У меня уже есть другие планы на Новый год. Но я обязательно навещу вас позже.

– Непременно!.. Знай же, что ты – всегда желанная гостья в нашем доме, в любое время дня и ночи...

– Я знаю. Лену поцелуй. И малышку чмокни от меня в пяточку! Люблю вас всех.

Настроение и так было приподнятым, а после звонка Олега стало вообще превосходным. Отключив мобильный, Даша, забывшись, сделала глубокий вдох. Морозный воздух обжёг лёгкие – она даже задохнулась. Прокашлявшись, подняла повыше воротник шубки, натянула перчатки. Шапку, как всегда, не надела, и значит – на неё снова будут ворчать, с улыбкой подумала она...

Миг – и её вынесло стремительным людским потоком из подземного перехода напрямиком на вокзал. Нужный поезд уже стоял у платформы. Даша быстро шла вдоль состава, пытаясь согреться ходьбой. Ничего, успокаивала она себя, в купе выпью горячего чая с лимоном...

Вот и её вагон. Она протянула билет проводнице, улыбнулась:

– С наступающим!..

В купе ещё не было попутчиков. Даша присела на полку, даже не сбросив шубу, снова достала мобильный и, от нетерпения периодически попадая пальцем мимо кнопок, позвонила.

– Никита?.. Я уже выехала, – произнесла она. – Да, на «Стреле». Завтра утром встречай.

ФОТОАЛЬБОМ

Рука пробежалась по массивным корешкам и, секунду помешкав, выудила из ряда альбомов один, в полысевшей бархатной обложке. Все мои школьные годы втиснулись в пару десятков страниц...

Первое групповое фото с пока ещё неизвестными одноклассниками. Рассматриваю себя – смешную семилетнюю пигалицу с капроновыми бантами на куцых косичках, затем взгляд начинает перескакивать с одного лица на другое.

Вот тощий и ушастый Сашка Криволапов. Вспоминаю, как однажды на перемене он гипнотизировал глазами мой бутерброд с маслом и сыром. У меня кусок в горло не лез под его алчущим взором. Не выдержав, я отломила половину и протянула ему:

– Хочешь?

Тот вцепился зубами в хлеб, как дикий волчонок, даже не поблагодарив. Самое обидное, что видевшие сцену одноклассники потом целый год дразнили нас с Криволаповым «тили-тили-тесто». Позже я узнала, что он сын матери-одиночки, которая вкалывает уборщицей в больнице с утра до ночи, и у неё банально не хватает ни сил, ни времени досмотреть за чадом. На родительском собрании в пятом классе наша «классручка» – редкостная дрянь, между прочим, – упрекнула мамашу Криволапова в отсутствии законного супруга. Та психанула и поклялась, что в жизни больше не придет в школу. Кстати, слово своё сдержала – её не было даже на выпускном. А Криволапов так и остался в моей памяти вечно голодным. С каким трепетом он ждал дежурств в столовой! Школьные поварахи разрешали ему досыта наесться казенными котлетами, наполовину состоящими из хлеба, с водянистым гороховым пюре или тушёной капустой. Сейчас Криволапов работает шеф-поваром в крутой едальне на Рублёвке. Надо полагать, он абсолютно счастлив...

А вот толстая Танька Тюрина. В школе никто с ней особо не сблизился, лениво поддразнивая «жиртреской» больше для порядка, чем по причине реальной неприязни. Тюрина, кажется, даже не обижалась. Как же она поразила всех на школьном концерте в восьмом классе, когда, облачённая в наряд индийской баядеры, исполнила классический храмовый танец «бхаратанатъям»! Какая у неё оказалась пластика! А какая мимика!.. Вдруг выяснилось, что лишний вес может быть не помехой, а преимуществом. Она стала тогда настоящей звездой вечера...

Впрочем, наш класс в принципе был богат на «звёзд». Я перевожу взгляд на хорошенькое кукольное личико Лизы Дружининой. В одиннадцать лет она умудрилась засветиться в фоторекламе молочной продукции. Дружинину узнавали на улицах и подходили за автографами, журналисты брали у неё интервью, в магазинах висели рекламные щиты с улыбающейся Лизой, которая держала в руках бутылку кефира, или пакет ряженки, или стаканчик с йогуртом. Мальчишки дрались за право таскать её портфель. Я знала, что Лиза мечтает стать знаменитой актрисой. Однажды к нам в школу приехали киношники, устроили кастинг для съёмок в молодёжном фильме. Те счастливицы, которые прошли отбор, засветились в нескольких массовых сценах. Лиза же была отбракована режиссёром, рекламное прошлое не помогло. Она рыдала затем целую неделю. А потом успокоилась и стала говорить, что невелика заслуга – пройти кастинг на участие в бессловесном эпизоде. Что тех ребят, которые снялись в фильме, на улицах узнавать всё равно не будут, а вот её, Лизу, узнавали и узнают.

Кстати, Лизка и в самом деле стала актрисой. Провалившись на экзаменах во все театральные вузы, она, тем не менее, нашла свою нишу в отечественном телевидении. Дружинину постоянно можно видеть во всевозможных ток-шоу. Её героиня то изображает пресыщенную

жизнью богатую дамочку, то перевоплощается в забитую овечку, над которой издеваются коллеги в офисе... Телезрители ей верят. И это самое главное.

А вот кто действительно стал супер-знаменитым, так это Витька Долгих. Его песни и клипы не сходят с эфиров. В школе, помнится, его любимым уроком была музыка. Я смотрю на испуганного круглоглазого мальчика, похожего на мышонка – кто бы мог подумать, что он превратится в статного красавца, и фанатки на его концертах будут падать в обморок от восторга, если Витька швырнёт свою майку прямо в разгорячённую толпу?..

Я продолжаю листать альбом, вглядываясь в слегка подзабытые лица из прошлого. Учителя... Они всегда казались мне взрослыми и даже старыми, но теперь я понимаю, что кому-то из них тогда было столько же, сколько мне сейчас.

Были среди них злые. Как, к примеру, «классручка» или трудовичка Анна Львовна, она же Груша, прозванная так за нестандартную фигуру. Из-за Груши я на всю жизнь возненавидела шить, даже вид швейной машинки до сих пор вызывает у меня нервные судороги. Стыдно признаться, но под Новый год (кажется, это был седьмой класс) я загадала страшное желание: «Хочу, чтобы Груша сдохла!» Каждый урок труда превращался для меня в пытку. Груша была не очень хорошей швеёй и совсем никудышным педагогом, зато мастерски умела унижать учеников, особенно девочек. Попадало за распущенные волосы, за золотые серёжки в ушах, за красивые глаза... Груша была одинока и несчастна. Я узнала это уже после окончания школы.

...Были смешные, даже нелепые. Вот учитель химии Николай Степаныч, он же Николая. Я рассматриваю его фото: взъерошенный седой чуб, большой грустный нос, на кончике которого угрожающе болтаются очки, весь вид какой-то чумной, словно он вот-вот сорвётся с места и побежит. Его здорово дразнили мальчишки, но он не замечал насмешек, будучи полностью погруженным в свою науку. Увы, не такое уж частое явление – преподаватель, искренне, но безответно влюблённый в свой предмет. Однажды во время лабораторной по химии Ромка Невзоров нарочно смешал какие-то реактивы, и в кабинете рванул взрыв. Пацаны ржали, а Николая сначала побледнел как мел, потом покраснел, а после, убедившись, что все целы, выдохнул: «Дурачье...», сморщился, заплакал и вышел из класса. Все потрясённо молчали, и было уже не смешно, а стыдно... Через год химика парализовало, и мы всем классом ходили его навещать. Хмурая неприветливая жена учителя поила нас чаем, и видно было, как ей в тягость и наш визит, и грязная обувь, которой мы запачкали пол в прихожей, и молчащий Николая, который неподвижно лежал на диване и напоминал мумию.

Кстати, тот самый Невзоров, что устроил взрыв на уроке химии, стал профессиональным боксером и спустя семь лет после окончания школы трагически погиб во время матча...

...Математик был особенным. Я вглядываюсь в улыбчивое открытое лицо на фото, хотя могла бы нарисовать его по памяти даже с закрытыми глазами. Всё в нём казалось необычным и притягательным, даже его белорусское имя – Алесь. В него были влюблены все старшеклассницы. Я страдала по нему целых три года. На выпускном вечере, глотнув шампанского и выждав, пока Алесь перетанцует практически со всеми выпускницами, я подошла к нему и, цепенея от ужаса, выпалила торопливой скороговоркой:

– Алесь Юрьевич, я вас люблю!

Никогда не забуду его глаза в тот момент – беспомощные, растерянные... А потом я, плача навзрыд, бежала сломя голову по пустынным предрассветным улицам...

– Ты ещё не начала одеваться? – в комнату заглядывает обеспокоенный муж. – Что ты делаешь?

Я захлопываю альбом и виновато улыбаюсь.

– Да так... вспоминала школьные годы и немного увлеклась... Думала о своём выпускном.

- А-а-а, это когда ты напилась в стельку и приставала к симпатичным учителям с признаниями в любви? – шутливо поддевает меня он.
- Я не напивалась!!! Ты же знаешь, как всё было, – притворно возмущаюсь я.
- Знаю, – он усмехается. – Однако рискну тебе напомнить, что сегодня выпускной не у тебя, а у нашей дочери. Она расстроится, если мы опоздаем.
- Скоро буду готова, – обещаю я. – Не волнуйся, Алесь. Мы придём в школу вовремя!

АНГЕЛ ДЛЯ БЕДНОЙ ЛИЗЫ

...И вот, когда Борис принялся весело щебетать с румяной продавщицей глинтвейна (точнее, глювайна, как называли его в Германии), бисером рассыпая перед ней любезности и словесные реверансы, Лиза испугалась, что сейчас расплечется.

Терпение кончилось вот так, вдруг. Весь день она сдерживала себя, стараясь не выдать истинных эмоций. Они с Борисом уже добрых два часа бродили по рождественскому базару, раскинувшемуся вокруг Старого замка, и Лиза с обречённой покорностью делала вид, что ей ужасно весело.

Праздничная иллюминация озаряла эту грандиозную ярмарку миллионами огней, а симпатичные деревянные киоски зазывали пёстрым ассортиментом сувениров на любой вкус. Ёлочные украшения, куклы ручной работы, мягкие игрушки, волшебные шары с крошечными фигурками внутри, миниатюрные домики, саксонские кружева, свечи самых причудливых форм – глаза разбегались от этого изобилия!

Борис притормаживал возле каждого прилавка и приценивался ко всякой ерунде. Слушая, как он весело переговаривается с пожилым продавцом магнетиков с видами Штутгарта, Лиза зябко поёжилась и осмелилась высказаться:

– Какой неприятный и грубый язык!

В школе она учила английский, и все эти длиннющие немецкие слова с «шпр», «шт» и «ахт» действовали на неё, как удары молотка по темени.

– Что ты понимаешь! – Борис пренебрежительно махнул рукой. – Да немецкий – один из самых красивых языков в мире, если хочешь. Уж по крайней мере, приятнее на слух, чем жуткий картавый французский, которым почему-то принято восхищаться и называть его языком любви... Но ты послушай, послушай, какая в немецком романтика: их либе дих, майн херц Лизхен!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.